

Мы встретились на каком-то сборном концерте, в залах "России". Он — только что со сцены. Минуту назад я видела на мониторе, как его заваливали цветами. Но в гримерку он вошел без них. "Лев Валерьевич, сейчас Иосиф Давыдович подъедет!" — какая-то барышня с сигаретой. "Лев Валерьевич, вам через 9 песен на сцену выходить", — мужчина с мольбой в голосе. "Лев Валерьевич, у вас в запасе не больше 40 минут", — женщина с пудрой.

— Да мы успеем, — зло говорю я. Больше времени на эти выкрики уходит. — Закройте дверь, в конце концов, ничего не слышно!

— Да! Закройте дверь!

— Пожалуйста, — добавляю я.

— Да, пожалуйста.

Лещенко закуривает, стряхивая пепел в салфетку. Заведенный всеми "Лев Валерьевич!" закрывает дверь: "Так, давайте! Давайте, что у вас там. Только быстро, быстро, времени нет".

"Да как же быстро-то? — говорю. — Давайте начнем, а там уж, если не успеем, я ждать готова. У вас своя профессия, у меня — своя". Затажка, улыбка, выдох: "Ну, давайте".

— Кто построил вам в свое время образ такого "хорошего, доброго, настоящего советского человека и гражданина"?

— Я думаю, что я сам его и построил. У меня же настоящее идейно-патристическое воспитание. А коррекцию внесло то общество, в котором я жил. И, наверное, радио и телевидение, где я работал. В общем, коррективы вносила жизнь.

— Внешние обстоятельства.

— Да. Если бы мы начали сейчас философский какой-нибудь разговор, я бы сказал, что я человек, который относит себя больше к конформистским теориям и движениям. А поскольку мы все жили в государстве, построенном по принципу "от общего к частному", то я был просто этим маленьким частным, которое что-то производило. Но у меня было свое собственное видение того времени, в котором я жил. Своё отношение к людям, к жизни, к тому, что происходило вокруг меня. По натуре своей, ну не знаю, — ну, наверное, я мягкий и добрый человек. И все эти постулаты, которые я читал в Библии, они вошли в мое сознание. Хотя я человек неверующий.

— И давно вы взяли в руки Библию?

— В классе во втором-третьем, когда приезжала моя бабушка из Рязани. Она была верующая и приучала меня к церкви. Хотя там у меня возник антагонизм: между моим школьным воспитанием и бабушкой. Но когда я бывал у нее в Рязани, мы обязательно ходили в церковь и она мне рассказывала о Библии. А когда у нас в институте появился предмет "атеизм", я уже взял в руки Библию — мне было интересно сопоставить то, что говорится в обычной жизни, и то, что написано в религиозных учебниках.

— Я думаю, мы тогда и не будем затрагивать тему ваших комсомольских песен...

— ...Да пожалуйста, затрагивайте! У меня всего-то комсомольских песен было — "Любовь, комсомол и весна" и...

— Душевная песня была... И про Магнитку еще.

— Про Магнитку? Это ж не комсомольская песня была. Это была песня про тех людей, которые на мерзлой земле построили город. Магнитка до сих пор является самым большим производителем металла.

— И я даже знаю, что вас туда приглашали: "Только Лещенко и только про Магнитку" — и что вам за выступление денег немерено отвалили.

— Я вам скажу, что отпел эту песню без единой копейки. Это я потом уже ездил к ним как исполнитель — может быть, они мне что-то и отвалили. Поскольку я ездил туда как артист. На работу. А в то время, когда появилась эта песня, тогда еще денег нам не платили, тем более за запись.

— Вы мне еще про "Соловья" расскажите. Мы говорим Лещенко, подразумеваем "Соловья", мы говорим "Соловей" подразумеваем Лещенко.

— Вас история интересует? Все было очень просто. В то время мы не искали песен. Только если композитор какой-нибудь соизволил общаться с исполнителем, с каким пел 20 лет назад. Я пою ее уже с некой иронической оценкой. Ничего, что я курю?

— Вы до сих пор ее поете?

— Конечно. Я пою, допустим, концерт, а публика кричит: "Соловину рошу" давай! И я пою ее с удовольствием. Тем более что ее еще и мой друг немножко так подкручивает, Володя Винокур. Эта песня как обязательное блюдо в концерте. Но я уже не пою ее с таким отношением, с каким пел 20 лет назад. Я пою ее уже с некой иронической оценкой. Ничего, что я курю?

— Не, ничего. Даже для образа "образцового советского гражданина".

— О-о!

— Ну так, несмотря на этот образ, у вас все равно были какие-то сложности. Насколько мне известно, ваш фильм к Олимпиаде-80 сняли с проката. На какой-то международный конкурс типа Сопота не выпустили. Еще что-то там...

— Да, было такое. Что касается

что меня задвинули на третье место. Ну ничего, я выступил на двух фестивалях и — самое главное — в 72-м году утвердился как популярное лицо.

— Но ведь, я слышала, у вас были неприятности не только с Сопотом и фильмом к Олимпиаде. Вас, говорят, в свое время вместе с Пугачевой и Винокуром по прокуратурам затаскали.

— А-а-а... Вы знаете, дело в том, что в те годы нам практически ничего не платили. Мы ездили по бамам, по автомамам, по всяким великим стройкам и нам платили 27 рублей с концерта. Для того чтобы хоть как-то зарабатывать, мы были вынуждены работать по 3-4 сольных концерта. При всем при этом мы еще прихватывали концерт в каком-нибудь колхозе — это назывался "левый" концерт, где деньги давали наличными. Когда Фурцева пригласила одного большого артиста и отчитала: "Вы работаете левые концерты, где вам деньги дают наличными", он ответил: "А что, разве

— Я вот смотрю на вас и думаю: годы идут, жизнь меняется, а вы как законсервированный...

— Ну а что сделаешь? Я почти не курю. Занимаюсь теннисом, пресс качаю. Но главное, главное, что я каждое утро должен себя узнавать в зеркале. Я себе говорю: "Лев, ты молодец. Тебе нужно еще вот только немножко поху-деть, спуститься вниз в подвальчик и посидеть на велотренажере". Что еще? Пью я мало — ну, конечно, я выпиваю на праздники, чтобы расслабиться.

— И что, совсем-совсем никогда не напивались?

— Не-е-ет... Я не позволяю себе. По молодости было один раз: где-то чего-то на заводе, где я работал, первая получка, что-то такое.

— Подождите, на заводе?

— Да, перед армией я работал слесарем на заводе. Я поступал в институт два раза, два раза проваливался и пошел в армию.

— Я знаю, знаю, я читала вашу

— Это школа, это такая театральная школа. Я учился у хороших педагогов, и в меня вбили такую теорию — "актер должен быть нейтральным". Актер должен представлять что-то на сцене, а личная жизнь остается личной. Это сейчас можно любой скандал использовать как рекламу. А я уже такой популярный, что мне не нужно никаких скандалов. Скандал приводит к чему? Только к тому, что создает дискомфорт окружающим тебя близким людям. Ну что будет, если я сейчас заведу какой-нибудь шумный скандальный роман? Ну что это? Ну я, может быть, это и перенесу, но мои близкие?

— О-у, а ведь ваш второй брак вырос из курортного романа.

— Дело в том, что на момент нашего знакомства в Сочи я уже разводился со своей первой женой.

Да, наш роман начался на курорте. Я приехал в Сочи на гастроли, и она меня не узнала! Когда я предложил ей пойти пообедать, она не отказалась. Со мной все здоровались, а она подумала, что я какой-то там мафиози. Я ей говорил: "Да, я мафиози!" Я-то думал, что она меня разыгрывает. А она, оказывается, жила с мамой и папой в Германии, а потом училась в Будапеште, и, естественно, мой фейс не был для нее узнаваемым. Она, конечно же, слышала мою фамилию, но в лицо не знала. Меня это жутко подкупило.

— И вы что, просто подошли к ней на улице и спросили: "Девушка, как вас зовут?"

— Не на улице, в лифте мы познакомились. Вот. Потом я попросил приятеля своего сделать своеобразный маневр: он нашел ее подругу, разыграл нашу нечаянную встречу.

— Не самая тактичная тема... У вас ведь нет детей?

— Дети? Разные проблемы в жизни были. Это настоящая семейная проблема. Конечно, мне очень хотелось детей, но...

— Вы так спокойно отвечаете. Я думала, вы скажете "не суй нос не в свое дело" или что-нибудь в этом роде.

— Я абсолютно спокойный человек. Меня только может вывести из себя невежество, грубость, безразличие, жлобство. Знаете, кто такой жлоб?

— А по-вашему, кто?

— Ну-у, это собирательный образ: невежество, грубость, безразличие.

— Вы только при встрече со жлобами выходите из состояния равновесия? Или бывает, что и по другим поводам топаете ногой?

— Топать ногой? Да я практически постоянно топая. На назойливых людей, непонятливых людей. На грубых людей. На непрофессионализм. На невнимательность своих студентов.

— Для вас было неожиданно, когда много-много лет назад Винокур вышел на сцену и спародировал вас, своего друга?

— Абсолютной неожиданностью. Я сначала смотрел и думал: "Что он вообще делает? Мы же все-таки приятели". И я ему сделал замечание: "Делай это помягче или не делай вообще". А сейчас он не нажимает. А когда нажимает, я ему делаю замечание: "Володя, ты же хороший актер, не переигрывай!"

— Так и подтруниваете друг на другом?

— Да, и подтруниваем, и подшучиваем, и разыгрываем по-всякому. Я ему, помню, звонил голосом Урмаса Отта и заставлял объясняться, почему не вышла программа, и прочее, и прочее... А он однажды положил мне два ботинка на одну ногу (мы купили ботинки в Германии). А я знал эту шутку, и, когда мы приехали, он сказал: "Лева, ты знаешь, что нам по два одинаковых ботинка положили: тебе на одну правую, а мне на одну левую?", я ответил: "Да, знаю. Я утром уже обменял один ботинок". Хотя, конечно, я ничего не менял.

— Вы всегда все наперед знаете, тщательно планируете?

— В быту я жутко безалаберный человек.

— Ну кофе-то с яичницей приготовить можете?

— Конечно. Вы что не видели, как я в "Смаке" утку по-пекински делал, раки варил с приправами?

— С Винокуром?

— С Винокуром мы только что телевидением занимались. Мы с ним ведем "Музыкальную почту" и готовим сумасшедшую программу "Стар и млад". "Стар" (Лещенко выпрямляет спину и делает руки в боки, изображая "стар", "звезду", в смысле, включает. — В.С.) и млад — молодой исполнитель.

"Лев Валерьевич! Вам на сцену скоро выходить!" — слышен голос из какой-то гримерки. "А может, мне только одну песню спеть? Вот видите, Вика, с этим интервью не успеваю подготовиться".

— Лев Валерьевич, ну так у вас своя работа, у меня своя...

Подходит к зеркалу, поправляет бабочку, потом показывает на отражение: "Ты кто? Лев!.. Вика, да что ты! Я шучу — просто времени нет..."

Вика САРЫКИНА,

фото Александра АСТАФЬЕВА.

ЗЕРКАЛО ДЛЯ ЛЬВА

Лев
ЛЕЩЕНКО:
"Я уже такой
популярный,
что мне
не нужно никаких
скандалов".

фильма, это была авторская работа — моя и Славы Добрынина. Мы сделали 7 песен, были там в рубашках, джинсах, свитерах. Когда фильм посмотрел бывший председатель Гостелерадио Лапин, он сказал: "Мы это не дадим!" Я к нему пришел: "Мы же с вами в хороших приятельских отношениях, ездили в депутатские поездки, скажите только ПОЧЕМУ?" Он ничего не мог мне объяснить, просто сказал, что фильм... Я думаю, его на этот лад настроила музыкальная редакция, которая в то время терпела не могла молодых исполнителей, нечленов Союза композиторов: Антонова, Добрынина, Семенова и их с ними. И вдруг — фильм, где музыку написал Слава Добрынин, а Лева Лещенко поет в нем — не в свойственном ему костюме и галстуке, а в джинсах. И фильм просто закрыли.

А с Сопотом была такая история: сначала мне предложили поехать на фестиваль. А звонок из Министерства культуры определил следующее: все время в Сопот едут мужчины и мужчины, никто ничего не занимает, и якобы поляки хотят видеть от нас женщину, которой они якобы уже уготовили первую премию. За неделю до фестиваля меня вызвали в Министерство культуры и сказали: "Лев Валерьевич, такая вот ситуация, вы поедете в следующем году". Поехала вместо меня женщина, я не хочу называть ее фамилию. Я жутко, конечно, расстроился, потому что я был готов — 100 процентов. Но все, что ни делается, все к лучшему. Потому что в следующем году я поехал в Сопот с песней "За того парня". И получил там первую премию. И в этом же году я был на "Орфее", где получил третью премию, потому что впереди меня были две прекрасные женщины — они обаяли и сумели сделать так,

есть другие?" И прокуратура стала интересовать: а почему артисты дают такое количество концертов?

Да, мы немножко работали, нам приходилось крутиться и быть всеядными, потому что не хватало: нужно было построить квартиру, купить машину — худенькую, плохенькую, но нужно. Нужно было обрести статус тех звезд, которых мы представляли. Хотя наше государство в то время терпеть не могло звезд и всячески их гасило. Чтобы никто не выделялся. И я попал в эту мясорубку. Год полтора нас допрашивали: почему мы поем "левые" концерты, делаем финансовые нарушения? Все обошлось, но вообще это была самая большая чушь, которую можно представить.

— Сейчас-то вы себе позволяете другие высказывания. Типа "я дожил до того времени, когда могу купить себе почти все". "Почти все" — это до каких пределов?

— "Почти все" — это то, что составляет человеческий и жизненный комфорт. Ну, скажем так, квартира, участок земли, дачка там, машина и хорошая студия... Дачу вот недавно отстроил титаническим трудом.

— Поближе к природе?

— Как в том анекдоте: "К земле нужно уже привыкать".

— Я представляю себе такую картинку: Лев Лещенко с палкой-копалкой и граблями!

— А как же! Конечно! Я очень люблю землю. Поливать-а-ать, из шланга, каждое деревце. А сейчас снега много, я беру лопату и чищу дорожки. На свежем воздухе. Что еще можно делать на свежем воздухе? Гулять? Ну, иногда на лыжах с Наташкой Королевой, соседкой, катаемся или на велосипеде летом.

биографию — потом вы практически без экзаменов поступили в институт — ректор, кажется, был поражен вашим талантом, а со второго курса...

— ...а со второго курса, правильно, я стал работать артистом Театра оперетты.

— Ага... А потом вы женились на артистке. И теперь всегда говорите, что не любите артисток.

— Не пра-а-ава. Я люблю артисток. Я говорю, что никогда бы не женился на артистке. Потому что я считаю, что они все неважные хозяйки. А человеку, который творит, который много ездит, который редко бывает дома, ему, конечно же, хочется, чтобы дома был уют. А вы представьте себе артиста, которому жена не приготовит, не постирает, не обласкает и не создаст комфорта.

— Да? Но вы-то не только поэтом их не любите. Сами говорили — я слышала — "я знаю каждое слово, которое может произнести артистка".

— Это сто процентов. Конечно-е-ечно же, конечно-е-ечно. Они все...

— Да они вас не удивляют, что ли?

— Почему — удивляют. Творчески — удивляют. А так... Да нет, пожалуй. Я не вру, честно говорю — у нас нет такой героини, в которую можно было бы влюбиться. Ну, мне нравится Оля Кабо — красивая женщина. Лайма Вайкуле. Но они мне нравятся как творческие индивидуальности.

— Как же это вы умудрились пробыть столько лет на сцене и не вляпаться в какую-нибудь "романтичную" историю? Ну, хорошо, раньше это было почти невозможно, но сейчас, когда газетчики разносят даже самые сокровенные тайны?!